

ТБИЛИССКАЯ УЛИЦА КАК ФАКТОР МУЖСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В современном грузинском городском обществе помимо таких институтов социализации, как семья, школа и армия, социализирующая функция однозначно признается также за «улицей» — публичной средой, которая дает возможность мальчику, подростку, молодому человеку выйти из-под контроля взрослых. Часто говорят о «школе» или «академии» улицы (аналогичным образом в советском обществе говорили о том, например, что армия — школа для настоящих мужчин). «Улица», *куча*, в сознании носителей грузинской городской культуры — это особая среда, которая вызывает целый спектр ассоциаций с «разборками», «воровским менталитетом», «уличными понятиями», жизнью городских кварталов.

В последние несколько лет вопрос о необходимости или, наоборот, нежелательности прохождения «уличной академии» стал предметом для эмоциональных дискуссий, причем эти дискуссии ведутся и в средствах массовой информации, и в частных разговорах. Носителями грузинской культуры «улица» воспринимается в том числе как передаточное звено между криминальным миром и подростком. Иными словами, как агент социализации, который проводит молодого человека в организованную преступность.

Уличная жизнь концентрируется преимущественно внутри жилых кварталов — *убани*. О вхождении подростков в локальный, квартальный социум и борьбе за место в нем, а также о моделях и агентах уличной социализации я и буду говорить ниже. Основным источником для доклада послужили полевые материалы, собранные мною летом–осенью 2007 г. Хронологические рамки, которыми ограничиваются данное исследование — вторая половина 1970-х гг. — 2007 г., выбор данного промежутка времени определяется доступностью материалов.

Для мальчика улица начинается с дошкольного или раннего школьного возраста с дворовой компании по играм. Уже в восьми-девятилетнем возрасте дети начинают делить окружающее пространство и людей, которых оно вмещает, на «своих» и «чужих»; с этого момента вступает в силу система взаимных обязательств среди мальчишек, принадлежащих к одному убанскому сообществу.

Старшие подростки чувствуют себя обязанными выполнять функцию судей и в случае детских конфликтов хотя бы и символически, но «разбирают дело». Через общение со старшими дети усваивают нормы уличного поведения и ценности убанской солидарности. Старшие — пример для подражания и беспрекословный авторитет.

Уличная культура с раннего возраста подталкивает мальчиков к разделению окружающих на своих и чужих и определяет нормы и практики взаимодействия, чаще всего носящего характер конфликта. Кроме того, она разделяет членов сообщества на старших и младших, когда последние подчиняются первым, считая их арбитрами при разрешении конфликтных ситуаций.

Десятилетний возраст отмечается как начало борьбы за место в уличном сообществе. Период борьбы мальчика за выгодную позицию в социуме называют *бичоба*; считается, что он завершается с окончанием школы, если подросток включается в какую-то другую деятельность — начинает работать или поступает в вуз.

Период *бичоба* ассоциируется с постоянными «разборками» и драками, о которых говорят как об отдельной сфере деятельности. «Разборки» и «драки» структурируют и оформляют уличное сообщество, в них определяются социальные позиции, выделяются лидеры.

Уличная культура предлагает подростку готовые модели социализации. Одновременно они являются и ролевыми моделями, которые имеют свои обозначения, присутствующие в уличном дискурсе. Эта система ролевых координат строится на трех основных позициях — *дзвели бичи* («старый парень»), *патиосани бичи* («честный, порядочный парень») и *дедикос бичи* («маменькин сынок»).

Точкой отсчета в уличном сообществе становится *дзвели бичи*. Суть эмных определений, которые даются этой категории, сводится к двум обязательным составляющим — жизни «по воровским правилам и идеологии» и желанию сделать карьеру в воровском мире. Такая жизненная ориентация предусматривает желательность опыта тюремного заключения, который считается «пропуском» в воровской мир. Статус *дзвели бичи* воспринимается как первая ступень в общей иерархии «воровских статусов», которую венчает звание «вора в законе». Эта категория ассоциируется прежде всего с подростковым возрастом, хотя может быть применима также к молодым людям и более взрослым мужчинам. Об опытности и отсутствии в биографии известных сообществу случаев совершения «ошибок» — нарушений «воровских правил» — говорят как о главных требованиях, необходимых для завоевания этого статуса. Категория *дзвели бичи* ассоциируется с «блатным» стилем поведения или «имиджем», который определяет походку, манеру говорить, тембр голоса и стиль одежды, и легко читается любым носителем культуры.

Дзвели бичи, с одной стороны, маскулинный образец, а с другой стороны, образ, который связывается в культуре с категорией молодости и предоставляет подросткам одну из важнейших точек отсчета для построения идентичности.

Две следующие категории — категории «маменькиных сынков» и «честных парней» — объединяются тем, что ни одна из них не предполагает претензии на воровскую карьеру. Но от маменькиного сынка

честного парня отличает то, что он обладает *важкацоба* — мужеством в понимании набора положительно окрашенных маскулинных качеств. Соотношение этих ролей можно представить также через приписываемую им меру насилия и его направленность: *дзвели бичи* выступает как источник насилия, честный парень — как нейтральный, но способный на насилие, маменькин сынок — страдающий от насилия и неспособный на него ответить.

Реакция на роль маменькиного сынка чаще всего принимает форму насмешек, оскорблений, денежных поборов, эксплуатации со стороны претендующих на роль *дзвели бичи*.

Уличная культура предлагает иерархию маскулинностей, на одном полюсе которой находится ролевая модель *дзвели бичи* как труднодостижимый идеал доминирующей и агрессивно гетеросексуальной маскулинности, а на другом маменькин сынок, ассоциирующийся прежде всего с гомосексуальностью. Агрессивное маскулинное поведение социально конструируется в процессе уличной социализации, в том числе через необходимость противостоять насилию в подростковом сообществе.

Помимо ролевой модели, которая существует в культуре вообще, для формирования роли требуются также конкретные образцы — для мальчика, стремящегося к статусу *дзвели бичи*, такими образцами становятся *дзвели бичи* из ближайшего окружения на три-четыре года старше.

В соседском сообществе обычно выделяется еще одна возрастная группа более старших, обычно 35–45-летних мужчин, которые уже непосредственно не участвуют в уличной жизни, но обладают высоким статусом в данном соседском сообществе благодаря своему успешному и активному участию в уличной жизни в прошлом. Многие из этих мужчин имеют опыт тюремного заключения, что вместе с безупречной уличной репутацией делает их признанными авторитетами для более молодых. Эти старшие мужчины считают своей обязанностью контролировать и наставлять младших ребят, которые, в свою очередь, признают за собой право обращаться к ним за советом и помощью.

Сходную картину возрастной структуры соседских сообществ, а также системы отношений покровительства и контроля между старшими и младшими возрастными группами рисуют исследователи бедных афроамериканских кварталов США¹.

Представляется, что существует биографический шаблон, принятый обществом и воспринимающийся как нормальный, в котором «улица» должна обязательно присутствовать в жизни подростка. Уличный опыт считается необходимым прежде всего потому, что испытывает, учит преодолевать любые жизненные трудности, его сравнивают с опытом, который дает служба в армии. Так, по словам одного информанта, *«человек, который пожил той жизнью, в жизни всегда найдет дорогу, такой человек почти все видел, у него был очень серьез-*

ный опыт». Многие информанты говорили о том, что улица учит искусству отношений, дает возможность научиться выбирать правильную линию поведения и ориентироваться в самых разнообразных ситуациях. Не имея этого опыта, «ты что-то вроде инопланетянина». Улица рассматривается как главный воспитатель маскулинности, необходимый этап, который должен пройти мальчик, чтобы стать настоящим мужчиной. Не иметь этого опыта — значит подвергнуть сомнению свою мужественность и приспособленность к жизни. Однако степень погруженности подростка в уличную в жизнь в его период бичоба может быть разной; нормальный жизненный сценарий подразумевает, что с поступлением в вуз, началом работы или другой «взрослой» деятельности улица должна утратить свое значение в жизни мужчины.

Моментом выбора, который должен сделать подросток между дальнейшим укреплением своего авторитета в местном сообществе с возможностью последующей воровской карьеры и карьерой за пределами локального сообщества, обычно считается 16–17-летний возраст. С этого момента от молодого человека ожидается, что он постепенно будет сужать свои связи с локальным сообществом и переносить свои интересы в другую сферу.

***

¹ См., напр.: *Harding D.J.* Neighbourhood violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods / Population Studies Center Report. University of Michigan. December. 2005.

Лусинэ Гушян

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС ПРИАЗОВСКИХ И БАЛКАНСКИХ ГРЕКОВ (НАЧАЛО XX в. — 1970-е ГОДЫ)

Мы попытаемся охарактеризовать предсвадебный обрядовый комплекс греков-румеев Приазовья, определить его особенности и выявить аналогии с предсвадебным обрядом греков, населяющих Балканскую Грецию и архипелаг. Хронологические рамки исследования определяются началом XX в. — 70-ми годами указанного столетия. Нижние